

Елена Меньшенина

От чаепития до надежды

Челябинск
2012

УДК 821.161.2
ББК 84(2Рос=Рус)
М51

Меньшенина Е.
М51 **От чаепития до надежды** : стихотворения. — Челябинск,
2012. — 76 с.

Второй сборник стихотворений челябинского поэта.

УДК 821.161.2
ББК 84(2Рос=Рус)

* * *

Наваждение: пустота; стусившийся пресный воздух
Застывает. Стеклом перерублено горло стебля.
И казалось, зажата прозрачной ладонью рана,
Да зияющий позвонок захлебнулся зеленой кровью.

Наваждение: скрип секунд перемалывает пространство,
Проржавевшее время, лишенное применения...
Этим дышат слова под искусства посмертной маской,
Этим дышим мы все, для которых не будет завтра.

* * *

Деревьев остов гнется, наклонясь
К земле под листопада рыжей сыпью,
И дождь летит с неслышанною прытью
В самом Творцом замешанную грязь.

Блаженствует — юродивым подстать —
В лохмотьях небо — первородно-свято —
Оно передо мной не виновато,
Мне просто больше некого прощать.

* * *

Пленный ветер с облаками бьется
На небе цвета пепла и воды...
Неотвратимо вытекает солнце
Из медных жил расплавленной руды.

А завтра небо снегом сладковатым
Приправит тень хромого ноября,
Но окнам обезумевшим не спрятать
Бездомных глаз горящие края.

* * *

Новый год грянет, в ворохе снежном роясь,
Значит, и лето где-то не за горами...
И озаренье: мы ходим по небу, то есть
Все отчаянно просто, и нет ничего над нами.

Вдох невозможен — покуда еще мы вправе
Смешивать с грязью, ногами топтать всечастно
Рваные тучи. И небо на грудь не давит.
Значит, оно над нами больше не властно.

* * *

*Погадай мне, цыганка, на медный грош,
растолкуй, отчего умру.
Отвечает цыганка, мол, ты умрешь,
не живут такие в миру.*

Борис Рыжий

Я умру так же, как все, живущие из-под палки,
В разгар холодной войны ноября с апрелем,
Когда стеклами сдавлен воздух, и так бесполезно-жалки
Листья, в лужах крещенные вместо купели.

Я умру так же, как все, живущие под забором,
На криво прочерченной кем-то границе мира,
Что на небесной гуще мне нагадал, как скоро
Струи дождя вобьют в крышку моей квартиры.

Я умру так же, как все, живущие по заказу —
От понедельника до декабря — так проще.
Утром будильник мне страшный суд протрезвонит — сразу
Ветер уймется, что душу мою полощет.

* * *

Ночь распята и искалечена,
Душит в горло забитый прах.
Воспаленные пальцы вечера
Отпечатались на зрачках.

Так терпи же, молись и кланяйся,
И приветствуй октябрь больной,
Повелевший странице-страннице
Стать могилой себе самой

В желтизне, повторенной листьями...
А трамваев косящий глаз
Вскроет ночь, как нарыв на истине,
Что уже не обманет нас.

* * *

Условность зачеркнув посмертно-белым
На траурном рисунке бытия,
Доходим до известного предела,
А после — возвращаемся в себя.

И дальше отвратительно неважно
Становится, насколько угол прям.
Не наши тени жмутся по-бродяжки
По солнцем разлинованным дворам.

Где стены мутный воздух выпивают
И в зеве окон бьется желтизна,
Которую не выбелит — по краю —
Стальная раскаленная весна.

* * *

Козырем пятой, никем не учтенной масти
Ляжет на город усталый бездомный снег...
Кто-то сегодня еще надо мной во власти,
Что же ты сделал, неведомый человек?

Боги прощают — мы создали их такими,
Не разбивая в молитвенном раже лбов...
Осень по снегу ногами бредет босыми —
Значит, наутро мы вновь не найдем следов.

Только в лицо почерневшей кривой рукою
Брызжет закат, опрокинутый за дома...
Кто-то сегодня еще за меня спокоен —
Самое время, простившись, сойти с ума.

* * *

Дрожь больных секунд — запоздала милость —
Замирает в стенных часах борьба...
Я хочу, чтоб все у тебя сложилось
Вопреки банальному «дважды два»,

Вопреки любим, не лишенным смысла
Числам — выпреним в простоте...
На гирлянде снега зима повисла
И раскинула руки, как на кресте,

И неожиданно вкравшейся опечаткой
Между нами рельсов скользят ножи...
«До свиданья!» — холодом под перчаткой.
Я люблю тебя. Этим и дорожи.

* * *

Дождя неровные зарубки,
Как хлеб, ломают чернозем,
И воздух, пористый и хрупкий,
В ладонях неба испечен.

Строка раздроблена сознанием,
И падает в разверстый крик
Стеклянной глотки мироздания
Переиначенный язык.

Колыбельная

1.

Засыпай скорее — это не совесть.
Сумерки связаны ветром на спицах...
Я не могу отпустить тебя, то есть
Никогда больше тебе не присниться.

Светофор, от грохота обезумев,
Бьется в окна красными кулаками...
Засыпай скорей в колыбельном шуме —
Это не агония — просто память.

Засыпай — а дождь за тебя разрежет
На полоски скомканный воздух. Милый,
Повторять не стоит — слова все те же —
Не бросай их больше в мою могилу.

Если давят стены на грудь и душит
Круг от лампы, захлестывает удавкой,
Засыпай скорее. Меня не слушай:
Память не годится на переплавку.

2.

Лови снисходительный ветра кивок,
Смешавшийся с пылью прохожий...
Спи, милый, чтоб завтра узнать, каково
Не чувствовать крови под кожей.

Проснешься ли? Это — вопрос бытия.
Как водится: истина с краю.
Увидишь ли: дождь, бесполезный, как я,
Дрожащие пальцы сплетает?

Почувствуешь, как наступает рассвет
На сна беззащитное горло?
Хребет переломит ли разуму бред?
Спи, милый. Что время не стерло?..

3.

Спи спокойно — а солнце спрячет
Взгляд — и молча пойдет ко дну...
Вот закат над водой незрячей
Веки желтые распахнул.

В гранях неба к утру остынут
Туч мелованные края...
Спи — во имя Отца и Сына —
Человек, что любил меня.

* * *

А может быть, ты просто человек
Из той дорожной пыли, что и я.
А может быть, в нас отразился Бог
В тот день восьмой, когда взгляделся в небо.

А может быть, мы снегом упадем
На плечи обезглавленных домов,
И ткнется носом беспокойный день
В озябших стен заветренные руки.

А может быть, мы все пойдем, когда,
Свет выплеснув на берег облаков,
Крутами вдруг расширится закат,
Безропотно сглотнув булыжник солнца,

И улицы поднимет горизонт
За лестницу веревочных путей,
За рельсы, что, изведав кривизну,
Все так же не пускают нас друг к другу.

* * *

Утро, припавшее дулом к виску,
В горб переплавит крылья.
Сердце всегда опережает тоску
По собственному бессилью.

Ржавчиной тронутые слова
У солнечного сплетенья,
Мысль, зачеркнувшая ось стола,
Чуждая тяготенью.

Дождь на костяшках небесных счет
Солнце на ноль поделит.
Счастье всегда опережает полет
Капель. Закон падений.

* * *

Мы в потерях не виноваты:
Небом выбелены следы.
Дождь! Насмешливый провожатый,
Соучастник моей беды!

Так поведай, с какой же стати
Повелел мне: «Живи! Пиши»
Дождь, беспечный законодатель,
Соискатель моей души?

Оба солнца мы не достойны,
Будем вместе им сожжены...
Дождь! Разбойник! Судья! Конвойный!
Причастись же моей вины!

* * *

Небо празднует осень, пирует.
Плачь и бейся, коль чуешь вину!
Скоро ветром измятые струи
Дождь швырнет ледяному стеклу.

Чтобы в небе родившийся морок
У земли превратился в поток,
Плещет в узкие пасти ливневок
Обреченного неба глоток.

* * *

Мир понял, что наутро не проснется.
Но небо прозорливей. Под слепы-
ми веками вновь выдупилось солнце
Из хрупкой розоватой скорлупы.

Апрель не домосед и не скиталец.
Земля качнулась под ногой: «Иди!»
Толчками мутной крови отдавались
Шаги по развороченной груди.

Шли борозды, проложенные криво,
Сливаясь с пашней неба вдалеке,
И дождь бросал на землю, как в могилу,
Сухую влагу, чуждую руке.

* * *

Мне снился дом, открытый всем ветрам,
Что, логике ущербной вопреки,
Был, кажется, разрублен пополам
Нелепейшим подобием руки.

Оно тянулось вверх, и потому
Казалось неказистой и острой,
Рассыпанную ночью темноту
Скрывая под пластинами ногтей.

Я там жила, но, помнится, допрежь
Не смела замечать над головой
Закатную зияющую брешь,
Зажатую ладони чернотой.

Мне нравилось, взглядевшись, как в тетрадь
С реестром неслучившихся чудес,
В восточных скулах дома узнавать
Свое лицо — когда он вдруг исчез.

И вырос по-сиротски, как дичок,
Асфальтом переломленный побег,
Моим ошибкам подводить итог,
Родное: «бег» рифмуя с чуждым: «век».

* * *

*Человеческие губы, которым больше нечего сказать,
Сохраняют форму последнего сказанного слова...*

О. Э. Мандельштам

Луч темноты по обоям пляшет...
Поздно! На память оставить рада
Ссадины цвета моей помады
На гладких щеках фарфоровых чашек.

Этой иллюзией поцелуя
До понедельника опьянеем...
К стуку соседей по батарее
Чайник фальшивящий я ревную.

Стулья пускают корни между
Пальцев артритных гнилых паркетин,
Помня двоих, что живут на свете
От чаепития до надежды.

* * *

Солнце в трещины дня засыпает размолотый свет.
Предзакатным минутам претит ожиданье полета.
В мире день ото дня повторяется тот же сюжет,
Под чеканкою ветра бесчинствуют те же пустоты.

Боль их рваных краев затянула петлю на груди,
Из безглазых зрачков темнота на ладони упала.
В горсть зажата, пульсирует ночь. Откликаясь, дожди
Амальгамою луж затянули глазницы провалов.

Европа

Пересыпан песок — шепотком — напевно —
В пальцы страха, которого — не побороть.
Спи спокойно, маленькая царица —
Это нож отлива вскрывает плоть

Обнаженного берега. Поздно плакать,
Если голос страха не заглушить.
Это ночь, шипя, выгрызает мякоть
Из двустворчатой раковины души.

И косым дождем прорастает копать
Туч, распластанных в темноте хромой...
Спи спокойно, маленькая Европа —
Бык спешит сквозь волны — пора домой.

* * *

Ночь, как феникс, — в рассвета пламя.
Шаг войны — вероломно-прост.
И запекшимися губами
Море ловит крупинки звезд.

Солнце борозды в небе чертит,
Или — обморочная быль! —
Жизнь наступлена плугом смерти:
Тело Гектора месит пыль.

В глину втоптана, крови лента
Словно ищет, что там, поза-
ди? Песчинки слепого света,
Будто гравий, летят в глаза.

Небо — прежних высот обломком...
В грудь, Елена, вонзи его,
Когда ветер швырнет потомкам
Факел имени твоего!

* * *

Ночь скрыта в кривизне бескостных рук,
И вбиты трубы в мягкие ладони,
И солнца растревоженные кони
Сквозь чернозем рассветный тащат плуг.

На горле неба обозначен путь,
Сминает хрип голосовые связки,
И звезды тонут в сукровице вязкой
И сыплются в разрубленную грудь.

А плуг, ползущий поперек костей
Согбенных туч, достигнет апогея,
Когда в бреду распластанная Гея
Приимет в недра собственных детей.

А небо, не вкусившее побед,
Застынет перед ней в полупоклоне,
Чтобы в ее опустошенном лоне
Божественный вновь зародился свет.

Монолог Йорика

Когда в крови на стены Эльсинора
Взбиралось солнце, я был вознесен,
И пьяных герольдов толпа трубила славу
Моим лохмотьям у монарших ног...

Я умер, принц. И мне из-под земли
Виднее, хоть в глаза труха набилась,
И разве что червей могильных нынче
Развеселит истлевший мой колпак...

Поглубже в грудь земли меня втоптали...
Так прежде старики боялись мертвых
И жилы подрезали, чтобы им
Вставать из гроба было неповадно...

Принц Гамлет! Монологов я стыжусь.
Вас не ославил разве что ленивый,
И бросить камень каждый норовил
В то, что и так от века было камнем...

Когда-то, принц, и я бывал не чужд —
To be or not?.. — исканий философских
И потому был признан дураком,
Посмешищем в глазах своих собратьев...

Идите! Вам по должности к лицу
Гримаса мести — тщетное кривлянье...
Да только тише: больно уж звенят
Бубенчики, мой продолжатель Гамлет!

* * *

*Любовь ли это — или любованье,
Пера причуда — иль первопричина,
Томленье ли по ангельскому чину —
Иль чуточку притворства — по призванью...*

М. И. Цветаева

Мы не столкнемся сегодня — зримо —
Странная участь идущих рядом.
Взгляд ускользает — неповторимый
Цвет хризолита и винограда.

Солнце врезается в айсберг дома —
Значит, еще один день — не встретим...
Кажется, вовсе мы не знакомы,
И непонятно, что делать с этим.

Память грядущего не догонит,
Жизнь не имеет обратной силы...
Взгляды не встретились. Но ладони
Знают, кого я боготворила.

* * *

Не станцевалось — не слушаю и не слышишь.
Хруст тишины — оскорбленного ритма мечь.
Лестница в небо качнулась — ползет все выше
Солнце, которое нынче огромней, чем есть.

Хлынула в двери шальная толпа. Газеты
Хлопают крыльями. Скомкана суета,
Выброшена в сугроб. Наступает лето.
Что за планета? Похоже, опять не та.

Ночь неуклюжа — совсем не жалеет пятки
Робкого вечера. Танец опять за ней.
Снег обгоняет звезды и в беспорядке
Сыплется в горло зевающих фонарей.

* * *

До капли выпит город полусонный.
Соломинки ломая фонарей,
Проснись, ноябрь! Пройдись трамвайным звоном
По хрупким шпалам сдавленных трахей!

Безглазый день сквозь брызги акварели
Уставился на побледневший дом.
Наохлившись, стреноженные ели
Топорщат крылья, смятые дождем,

И опускают головы. А выше
Обрывки крыш свинцом окроплены...
Проснись, ноябрь! Ты больше не услышишь
Предсмертный клекот в горле тишины.

* * *

Октябрь, в туман обратившись, смеется
Над городом, ветром спеленутым в кокон.
Пергамен домов, пожелтевший от солнца,
Прорезан неровными буквами окон.

Нежданным дождем ошетинился шорох
Потрепанных туч на небесной постели.
Ослепшие души, запутавшись в шторах
Ночной темноты, на свой шабаш слетелись.

* * *

Мир, должно быть, родился в прорезанном настех овраге,
В жирной ржавой земле, обнаженной дождем до кости,
Где когда-то бесслезно отчаялись сосны-бродяги
Воспаленное небо на хрупких плечах унести.

Мир, должно быть, пытался единым — бессмысленным —
взмахом
Безысходность облечь в неуверенный росчерк стволов...
И молчат храбрецы, не роняя на снежную плаху
Опаленные кудри своих непокорных голов.

Выплетает хмельные рулады ноябрь-пересемешник,
Хрип февральского горла претит запыленным губам...
И не выплакать солнцу, зажатому в льдистый подсвечник,
Своей зимней тоски, не склониться к безоблачным лбам

Задремавших предгорий...

* * *

Снег умирал, бросая мутный взгляд
На в траур обрядившийся обломок
Не то небес, не то навеса над
Сараем — полусклепом-полудомом.

Февральский день бродил утрюмо рядом,
Вороньи тучи кашляли дождем...
И только ветер пыль швырнул, как ладан,
И сверху вниз взглянул костлявый дом.

А провода оплакивали зиму,
Листая мутный воздух, как Псалтырь.
А снег лежал — его невыносимо
Душило небо, раздаваясь вширь.

И думалось: забор напоминает
Безгубый и ощерившийся рот,
И костылем грозит зима хромая,
Как будто догадалась, что умрет.

...Нас похоронят всех в одной канаве,
Под тем же солнцем поутру казнят
И в ту же землю втопчут... Нынче ж — Ave,
Февральский снег, мой обреченный брат!

* * *

Когда звезды душу продать готовы
За кудлатый сторбившийся туман,
Уходите прочь. Я не знаю, кто Вы,
Заплутавший в зареве Дон Жуан!

Потому возношу, словно крест охранный,
Я ладонь над клейменным изгибом лба...
Дон Жуан, не встретивший донны Анны!
Что Вам лжет трактирная голытьба?

Каково — растрчены серебрушки
Моих глаз — на паперти ждать гроши?
Каково, гордец, из немытой кружки
Причащаться тайн воровской души?

Распевать, шальную глушить надежду,
Замечая взгляд — и не зная, чей.
Это бог склонился и смотрит между
Вмерзших в окна грязных кривых лучей

Заходящего солнца. И невозбранно
Хлещет кровь излучиной горловой...
«Дон Жуан! Я больше не донна Анна!» —
Безнадежный — хриплый — кабацкий вой...

* * *

Улица-ведьма с косящим фонарным глазом
Снег собирает в обугленные ладони.
Осень твердит, что никто от любви не помер.
Мы будем первыми — вот медицинский казус.

Хмурясь, покажут студентам в анатомичке:
Дескать, классический случай. Синдром поэта.
Свет между ребер походит на душу — это
Спишут потом на delirium — по привычке.

Небо все в брызгах рассветного формалина,
Утро в глазницах окон мутнеет студнем...
Ближе мы не были. Дальше — уже не будем.
Счастье бессмысленно — значит, непоправимо.

* * *

Где закат синевой разбавляет вино,
Плещет брызгами ветер бродячий,
И забытое в небе пустое окно
О своей невесомости плачет.

В темноту погружаются, как в чернозем,
Фонарей светоносные сваи...
Небо ржавую влагу прокисшим дождем
В високосную ночь проливает.

Тучи стали раздробленной костью виска,
Небоскребы вонзаются в рану...
И стекает по скулам слепая тоска
По заблудшей весне чужестранной.

* * *

Я ждала тебя... Странно, часы и сами
Не знают, как долго: время-то нас не ждет.
Мы для того так коротки с небесами,
Чтоб не очнуться кроткими — в свой черед.

Не обнажая сути, как та монета
В кислоте — сквозь патину щурить чеканный глаз
На расставление пешек по карте — это
Условность, как, впрочем, каждый из глупых нас.

Плоский клубок земли обогнув, дорога,
Как ни разматывай, вечно ведет назад.
...Мы друг на друга надеемся, как на Бога —
Главный итог несовпадения координат.

* * *

Где стихает стихами разбуженный грохот затишья,
Обогнувшего дом с моим сердцем в бетонной груди,
На изломе обугленной кромки разрезанной вишни
Воспаленное небо застывший асфальт бередит.

В беспорядочной речи надрыв до абсурда хрустален,
Протяженность согласных гортань удлиняет, и за
Пустотой открываются двери прокуренных спален,
Где печальные окна гардинами застыт глаза.

Где, прозрачность зрачка окаймив деревянным надбровьем,
Рамы ищут пространство за гранью его кривизны,
Заостряется воздух и в легких находит зимовье,
И немые созвучия вдохов в строке не видны.

* * *

Хочется думать, что жизнь проникает между
Мыслью (душой) и телом — или скорее,
Сердцем и аркой ребра — пока есть надежда:
Встретить подобие, вспыхнуть — и не поверить.

Стань же блаженным, плачущим и просящим
У бога немилости сквозь огубленное «О, Pater!»
В эту пору метель посещает мой город чаще,
Чем осы гнездо, подвешенное за экватор.

И восходит солнце, но это бывает реже,
Чем костлявое «Здравствуй», растраченное впустую.
В это время язык успевает сказать прежде,
Чем размыкаются губы для поцелуя.

* * *

На границе солнца и пустоты,
Где холмы облакам подставляют щеки,
Мир значительно больше, чем «я» и «ты»,
Мысль значительно глубже в сплошном потоке

Неозвученной речи. Письмо в «куда»
По столу отстукиваю устало...
Так звучит негаданная вода
Проскользнув по высохшему каналу.

Так слова прорываются сквозь гортань,
Тянут гласные — пытка похлеще дыбы,
Так стихи распахидают грань
Расстояния, требующего — выбыть.

Вечернее размышление о превратностях географии

«Километр» — это почти что «мир».
Сто миров — понесло же в такую даль-то! —
Когда город плавится, как пломбир,
Растекаясь по вафельному асфальту.

Да и вправду — прочь от такой зимы —
По земле, не всегда однозначно плоской...
«Я уеду», — это почти как «мы»
В дребезжаще-сорванном отголоске.

«Здесь» звучит пронзительнее, чем «там» —
Смехотворной мезью разбитой склянки,
И скрипят суставы оконных рам,
Плечи стекол вывернув наизнанку.

В моих окнах скомканная луна
Обнажает десны в бездонном крике,
Соляную твердость земного лба
Отражая зеркалом безъязыким.

* * *

В обломки облачной породы
Луна вонзает остриё,
Ночь прячет дряблый подбородок
В вечнозеленое тряпье.

Любая мысль проста до смеха
И прозреваема до зги,
А в закругленной глотке эха
Косые множатся шаги

Дождя. И высохшего слова
Ростки виднеются сквозь стон.
А мир — под росчерком еловым —
И совершен, и совершён.

Последнее

Узнавание рифмы — почти как сцена
Под ногой. Молитва: не упади
На чужой, затоптанной и бесценной
Кромке воздуха, выросшей из груди.

Где-то между первым ребром и третьим —
Не пойму — и стоит ли ворошить
Атавизмы -надцатого столетья,
Когда тело вырвалось из души?..

Ощущение звука сродни ладони
Отделившей сцену от тишины,
Когда тот — ближайший — еще не понял
Как со-камерны были когда-то мы.

* * *

...и время рухнуло, как будто
Оборвалось еще в начале.
Смерть оказалась на минуту
Короче твоего молчанья.

Укол веретена метели
На месте будущего сердца
Страшнее точки. Жизнь — безделье,
Ничтожный повод, чтоб согреться.

А утро к полночи все глубже
В сетчатке. За девятым кругом
Ребра — царит такая стужа,
Что нам не выжить друг без друга.

* * *

Я была без тебя — там, где каждое здание вровень
Собственной тени, расправившей плечи, как воздух ноздри.
Горизонт забывает у моря, как он устроен,
Пресный свет собирая в стога и грозди.

Я искала тебя — там, где небо не знает суши
И по спинам гладит взъерошенные горы...
...оттого, что глаза ближе порой, чем души,
Мое каждое слово будет тебе не впору.

* * *

Бог не называет по имени: оно смертно,
И едва звучащие соки в него влились,
Я чувствую, как бесшумно и бесприметно
Растет пустота, а во мне израстает жизнь.

Прочь из суставов, кроной пронзая тело,
Где утнездилился страх, на который — ни букв, ни нот...
Если имя твое я выдохнуть не сумела,
Как оно под альвеолами проскользнет?

Я ношу твое имя, словно дитя в утробе,
Словно солнце, в ладонь скользнувшее свысока...
Его отзвук вздрагивает в ознобе,
Но еще не срывается с языка...

* * *

Расколотое древо паутины
На срезе превращается в золу,
Прозрачную, как снег у крестовины,
Где небо прижимается к стеклу.

И угол выпадает из прямого,
Как из гнезда — сорвавшийся птенец,
А воздух с обреченностью слепого
Пьет белизну из годовых колец.

Два очень одиноких стихотворения

1.

Ныряет свет то в междурамье, то за
Горбатых крыш подтаявший наплыв,
Когда щеколда плачет от мороза,
Сухие слезы в небо уронив.

А ночью в подъязычном запустенье
Горчат слова, свернувшиеся в «ты»,
И, кажется, твое невозвращенье
Пронзительней зрачка и пустоты.

2.

Чай стынет. Превращается в привычку
К ленивой горечи, что впрыснута в слова,
К горячей пустоте у подъязычья,
Умевшего вымучивать: «Жива!»

Ты слишком близко, чтобы прикоснуться...
В пространстве, что не делится на ноль,
Расходятся, как трещины на блюде,
Дороги, не ведущие домой.

* * *

Мне осталось немного: задумчивое тепло
Твоих пальцев. И кашель, сухой, как дольник.
Да из неба выжатое стекло,
Что стекает по капле на подоконник.

Мне осталось «немного», стремящееся в «одно»,
В незаметную точку, что скрыта в любом вопросе...
Ощущение прерванной ноты — до
Понимания: ты не вернешься в восемь

Или девять... Короткий и злой озноб,
Когда в город ныряешь из липкой бессонной мути...
Я хочу пережить сегодня и вечность, чтоб
Расстояние до «здравствуй» отсчитывать по минуте.

* * *

Свет выпадает по утрам на крыши:
Единственная верная примета,
Что вскоре посчастливится услышать
Звук тишины, помноженной на лето.

А неба распрямленная подкова
Крошится все мутней и оловянной,
И так звучит нескáзанное слово,
Что впору умереть без покаянья.

* * *

Март к утру становится равнодушен,
Будто голос, тоскующий по метели,
И прохожие обнажают души,
По-паучьи распластанные на теле.

Крыши носят снег в треугольной пасти,
Дни скользят по хлипкой диагонали
И шипят, как суффиксы тех причастий,
Что немое счастье запеленали.

А стена, разросшаяся в четыре,
В безвоздушность вжалась, и неизвестно
Отчего так чувствуется в квартире
Одиночество, прожитое совместно.

* * *

Желтушный свет в сетчатке увязает,
Жизнь топчется на худеньком предплечье
Вольфрамовой спирали — в двери рая
Впиваясь взглядом — жалобным, овечьим,

Мутнее неба в жестяном поддоне,
Мутнее пустоты в оконной раме...
Снег тычется вслепую в подоконник
Разбитыми до месива губами.

Немного жутко — жмет вспотевший сумрак
Ладони комнат — смирных и горбатых...
И пальцы припадают к стенкам рюмок
Прозрачностью напиться угловатой.

* * *

Шпалы давят, как ребра стального канала,
Вмерзших в землю следов перерубленный клюв...
Мир огромный и жуткий — поэтому мало
Захлебнуться, восторг от груди оттолкнув.

Воздух высушен. Сжат, как кадык в горловине.
Солнце вязнет в земле, обгоревшей вокруг...
И, желтя, тоска отражается в клине
Полузрячих огней, улетевших на юг.

Пустоту за грудиной метель не прикроет,
На провисшее небо не хватит холста...
А в седые от ветра зрачки новостроек,
Как в игольное ушко, вползет темнота.

* * *

Когда отрешенный ветер вонзается в позвоночник,
Мне тесно в зрачках у Бога — горит на ветру зазря
Одно из моих последних заслуженных полномочий
Дожить до земного рая — хотя бы до сентября.

Украденные минуты взметнулись сорочьей пляской,
Шаги возводились в степень, приравненную к весне...
И только декабрь надменный на солнце глядел с опаской,
Под веками-облаками обиженный грея снег.

* * *

Подреберным теплом квартир — удар со-
пережитого под хмурым потолком —
Или пространства сторбленное мясо
Слепилось в прокопченный снежный ком?

И, зрительному нервы не доверив,
Свет закипел в глазницах, как в котле...
...Нам невдомек, куда заводят двери
На вывернутой дактилем петле.

Кто оскорбил невыглаженным альтом
Стекланных рифм надтреснутый покой,
И чьи слова пригвождены к асфальту
Бордюра истончившейся строкой.

* * *

За-крыть гла-за. Крыть нечем, если в веке
Две стороны. У глаза — ни одной.
Сплошная плоскость с привкусом аптеки,
Соленых капель из дуги двойной.

Так сходятся края земли, в экватор
Упершись лбами, сплюснутыми в ноль.
Слепой зрачок с упорством бесноватым
В дно зеркала впивается: оно ль?

...Глаз обретает мудрость воска стыннуть,
Когда несущих стен несущество
Обрушилось на плечи, как на Сына
Голос Отца, призвавшего его.

* * *

Морозец по бескровной коже света,
Когда в грозу ныряешь с головой...
Скрежещет патефонная планета,
Перечеркнув орбиту по кривой.

И длится твердь: каленая, земная,
Скрипит сухой ребристой чернотой...
И дождь, не достучавшись, умирает
Соленой пеной в горле мостовой.

* * *

Когда в звуки проникло сквозное песчаное жженье
И в беззубые пасти холмов проливается зной,
Прорастает травой бесполезное злое движенье —
Шевеление крови под скошенной ветром десной.

* * *

Чужое нѐбо, осознав тщету
Молчания, уложено в подкову,
Чтоб в муках обрести не высоту,
Но чуткую остроугольность слова.

Но речь слепа — и вброд идет ко дну,
Как суффиксы, проглоченные прозой,
Когда в гортань уложишь тишину,
Хрустящую, как простыни с мороза.

* * *

Зима в земле оставила следы
У тишины надтреснутого зоба,
Где небо рукотворно до озноба
Наискосок от выцветшей воды.

Нам невдомек, какая пустота
В береговой теряется оправе,
Как скроен мир, что мы постичь не вправе
От первой ласточки до третьего кита.

* * *

Небо измято — и темнота
Сыплется пресная, восковая...
Речка пространство обзирает
Через косое плечо моста.

Срезана берегом и трамвайной
Ниткой, протянутой сквозь ребро,
Речка, от речи отняв зеро,
Выплеснулась в немоту окраин.

Слышно, как плачет она на дне,
Что ей бельмом затынуло очи...
Пальцы замерзли. Вверху — до ночи —
Льдинки целуются в тишине.

* * *

*Невзрачное сухое ожерелье
Из мертвых пчел, мед превративших в солнце.*

О. Э. Манделштам

От страха темноты до страха перед небом
Вся жизнь, когда в ладонях мокнут звезды,
И из ковша тумана пьет земля.
Дождь кончился, как воздух в легких. Рамы
По-детски плачут, как перед грозой.
Звонящих дней испуганные пчелы
Слетаются на солнце — умирать.

* * *

Крадется безумие — вижу порой во сне,
Что зоркое небо дома обняло за шею,
И бьется за рамами: кто-то умрет — вовне
Или во мне — и не догадаешься, что страшнее.

Солнце упрямо царапает, как гвоздем
Дряблый асфальт под весенней рябой коростой...
Мы к воскресенью станем на треть дождем —
И не дождемся встречи несудьбоносной.

* * *

Распятых крыш горбы заостенели...
На соль ресниц роняет высота
Березовое крошево метели,
Сухое, как вчерашняя слюна

Под языком. И мучает, и длится
Нездешних слов раскатанная медь...
Так горло выворачивает птица,
Чтобы с изнанки сызнава пропеть.

От буквы «есть» до буквы «нет», от хлеба
Насущного до сущего прошел
Февраль, что зачеркнул пустое небо
Взьерошенной Медведицы ковшом.

* * *

Обвиняют критики в эскапизме,
Дни горят слежавшейся серой ватой...
Перед ними — веришь — не виновата
Я, к тебе бегущая, как от жизни.

Чуть кольнет под ключицей — наверно, сердце...
Голос твой хрипловат — или просто провод
Телефонный замерз — это тоже повод
Протянуть мне руку — чтобы согреться.

Жду звонка — как смерти и как трамвая,
Как земля прогорклая ждет полива...
Мой родной, это страшно несправедливо,
Что меня твой голос не согревает.

* * *

Странный повод любить: за прозрачную кожу мая,
Распростертую криво на вялой замерзшей земле,
Где слюду темноты предрассветные брызги ломают...
Люди — чаще: кто пальцы, кто судьбы, кто хлеб на столе.

Мой трамвайный хранитель, за правым плечом еще пусто,
Как на улице в пору, когда расцветает луна
И слова заключаются в злые кавычки искусства,
За которыми сходят на нет, как иные — с ума.

* * *

Мы создаем безумство бескорыстно —
Краеугольный камень без углов
И монолит кубического смысла,
Квадратное неравенство слогов,

Вмещающая в ритм трамвайных остановок
Всю гамму от удушья до строки,
От непадежных окончаний слова
До невозвратных постфиксов тоски.

Послесловие

Первая книга автора требует зазывалки — предисловия. Вторая не может обойтись без осмысления — послесловия. Возможно, из-за боязни этого самого осмысления многие авторы на первой книге останавливаются.

Елену Меньшенину, которая недавно подарила читателям сборник «Алхимики дождя», этим не испугать. Новая книга «От чаепития до надежды» пронизана тем же парадоксальным подходом к окружающей действительности. Все привычное рассматривается под новым ракурсом, все непривычное тщательно классифицируется и расставляется по полочкам. Только порядок этой классификации какой-то своеобразный, недоступный пониманию.

Но я не об этом. Для меня два сборника Елены Меньшениной особо ценны тем, что их автор относится к новому поколению поэтов: поэтов, родившихся в конце XX века, поэтов нового времени, поэтов XXI века. Каково оно: племя «младое незнакомое»?

Вопрос: «Куда будет направлен вектор поэзии в следующем веке?» — мучал меня давно. И когда читал поэтов XVIII века, и когда наслаждался поэтами XIX века, и когда удивлялся поэтам XX века. Какие-то двадцать лет ожидания, и вот образец, который можно изучать, передо мной. Всего две небольших книги, но в них много интересного, дающего пищу уму.

Метод анализа творчества автора через систему образов-оккационализмов подробно изложен в работе вашего покорного слуги «Образ в поэзии как отражение концепции человека и мира»

(Челябинск, 2007). Своеобразным приложением к этой работе являются словари образов-окказионализмов «От Абажура до Яшмы» (2000 г.) и «От Акации до Ярмарки», последний увидел свет в 2005 году. Все эти годы работа по поиску образов продолжалась, и скоро всем заинтересованным будет представлен новый словарь «От Августа до Января» в котором достойное место займут образы, созданные Еленой Меньшениной.

Всего образов-окказионализмов в двух книгах обнаружено около 150 из них рекордсменами стали Дождь (16), Закат (10). Окно (8). Приведу несколько примеров

Дождь

И косым дождем прорастает копать
Туч, распластанных в темноте хромой...

Плещет в узкие пасти ливневок
Обреченного неба глоток.

Закат

Кругами вдруг расширится закат,
Безропотно слотнув бульжник солнца...

На изломе обугленной кромки разрезанной вишни
Воспаленное небо застывший асфальт бередит.

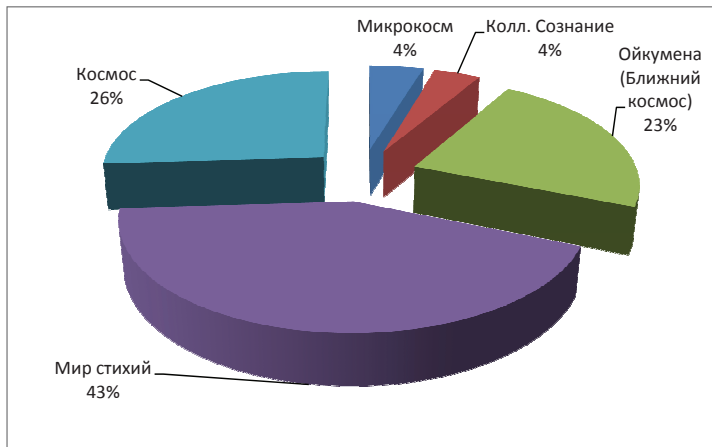
Окно

И скрипят суставы оконных рам,
Плечи стекол вывернув наизнанку.

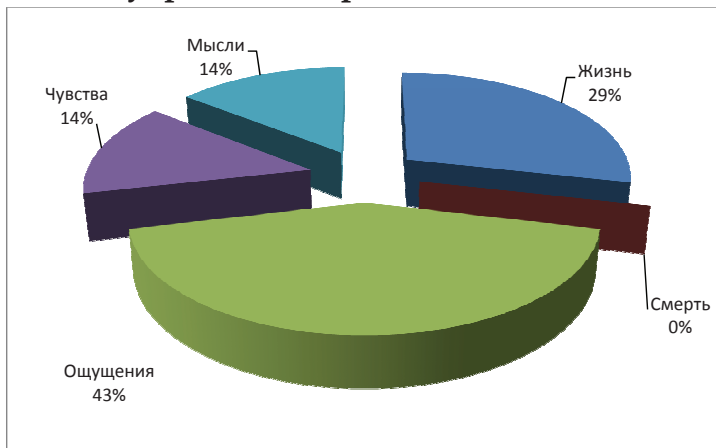
...в седые от ветра зрачки новостроек,
Как в игольное ушко, вползет темнота.

А теперь еще немного статистики в виде диаграмм.

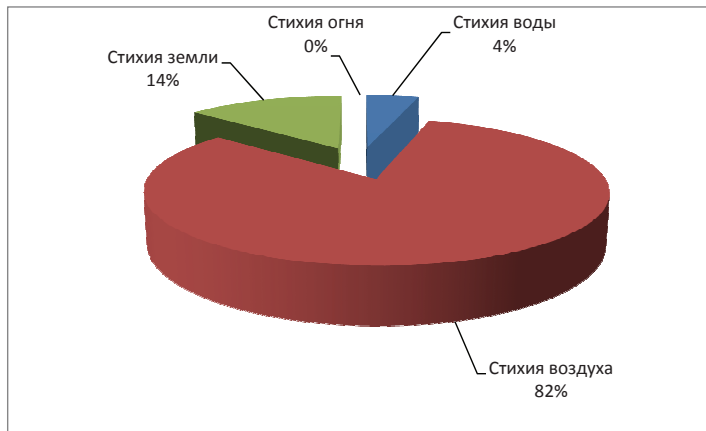
Образная система Е. Меньшениной

Внутренний мир Е. Меньшениной

Мир стихий Е. Меньшениной

Что можно сказать об авторе?

Это горожанка, мало интересующаяся окружающими людьми и своими внутренними ощущениями. Ее волнует мир, находящийся за пределами нашего, человеческого, влияния. Она часто идет на поводу у эмоций и чувств, но разум все же берет верх. Она рациональна в своих произведениях, некоторые образы кажутся сконструированными механизмами.

Она такова, какова есть. И это хорошо.

Понятно, что один поэт не отвечает за всю генерацию, но этот один — очень интересен и самобытен. Если и другие столь же необычны, то можно верить: Слово не умрет. Оно попало в хорошие руки.

Владен Феркель

Содержание

«Наваждение: пустота; сгустившийся пресный воздух...»	3
«Деревьев остов гнется, наклонясь...»	4
«Пленный ветер с облаками бьется...»	5
«Новый год грянет, в ворохе снежном роясь...»	6
«Погадай мне, цыганка, на медный грош...»	7
«Ночь распята и искалечена...»	8
«Условность зачеркнув посмертно-белым...»	9
«Козырем, пятой, никем не учтенной мастью...»	10
«Дрожь больных секунд — запоздала милость...»	11
«Дождя неровные зарубки...»	12
Колыбельная	
«Засыпай скорее — это не совесть...»	13
«Лови снисходительный ветра кивок...»	14
«Спи спокойно — а солнце спрячет...»	15
«А может быть, ты просто человек...»	16
«Утро, припавшее дулом к виску...»	17
«Мы в потерях не виноваты...»	18
«Небо празднует осень, пирует...»	19

«Мир понял, что наутро не проснется...».....	20
«Мне снился дом, открытый всем ветрам...».....	21
«Человеческие губы, которым больше нечего сказать...».....	22
«Солнце в трещины дня засыпает размотый свет...».....	23
Европа	24
«Ночь, как феникс, — в рассвета пламя...».....	25
«Ночь скрыта в кривизне бескостных рук...».....	26
Монолог Йорика	27
«Любовь ли это — или любованье...».....	29
«Не станцевалось — не слушаю и не слышишь...»	30
«До капли выпит город полусонный...»	31
«Октябрь, в туман обратившись, смеется...»	32
«Мир, должно быть, родился в забытом, заросшем овраге...»	33
«Снег умирал, бросая мутный взгляд...»	34
«Когда звезды душу продать готовы...»	35
«Улица-ведьма с косящим фонарным глазом...»	36
«Где закат синевой разбавляет вино...»	37
«Я ждала тебя... Странно, часы и сами...»	38
«Где стихает стихами разбуженный грохот затишья...»	39
«Хочется думать, что жизнь проникает между...»	40
«На границе солнца и пустоты...»	41
Вечернее размышление о превратностях географии	42
«В обломки облачной породы...»	43
Последнее	44
«...и время рухнуло, как будто...»	45

«Я была без тебя — там, где каждое здание вровень...».....	46
«Бог не называет по имени: оно смертно...»	47
«Расколотое древо паутины...»	48
Два очень одиноких стихотворения	
«Ныряет свет то в междурамье, то за...»	49
«Чай стынет. Превращается в привычку...».....	49
«Мне осталось немного: задумчивое тепло...»	50
«Свет выпадает по утрам на крыши...».....	51
«Март к утру становится равнодушен...»	52
«Желтушный свет в сетчатке увязает...»	53
«Шпалы давят, как рёбра стального канала...»	54
«Когда отрешенный ветер вонзается в позвоночник...»	55
«Подрёберным теплом квартир — удар со...».....	56
«Морозец по бескровной коже света...»	58
«Когда в звуки проникло сквозное песчаное жженье...»	59
«Чужое небо, осознав тщету...».....	60
«Зима в земле оставила следы...»	61
«Небо измято — и темнота...».....	62
«От страха темноты до страха перед небом...»	63
«Крадется безумие — вижу порой во сне...»	64
«Распятьх крыш горбы заостенели...».....	65
«Обвиняют критики в эскапизме...».....	66
«Станный повод любить: за прозрачную кожу мая...»	67
«Мы создаем безумство бескорыстно...»	68
Послесловие	69

Елена Сергеевна Меньшенина

От чаепития до надежды

Стихотворения

Верстка *В. Б. Феркель*

Подписано в печать 11.06.2012.
Формат 70×120/32. Объем 3,51 усл. печ. л.

Тираж 100 экз.
Заказ № 71.

Отпечатано в типографии
ООО «Тираж Сервис»
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 179.